

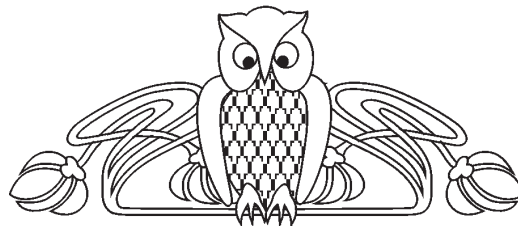

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 399–404
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 399–404
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-399-404>

Научная статья
УДК 111+101.1:316

Теорема Святого Иоанна

С. И. Мозжилин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Аннотация. В статье анализируются духовно-мистические компоненты, фундамирующие речь, язык и самосознание человека. Исследование осуществляется на основе междисциплинарного подхода. Главное внимание концентрируется на прологе Святого Иоанна, рассматриваемом в качестве научной теоремы, открывающей путь к решению проблемы бытия языка и самосознания человека. Методологической базой исследования является авторский концепт образования знака-символа мистического, бестелесного существа – духа, составившего основу символа лица, в филогенезе человечества как следствия психических механизмов переноса и замещения. Данный концепт впервые применяется в аспекте осмысления пролога Святого Иоанна, что составляет новизну исследования. В работе логически обосновывается невозможность существования человеческого слова и вместе с тем абстрактного мышления и самосознания без психической реальности бестелесного, мистического контролера и словесного оформителя мысли – духа, побуждающего субъект к непрекращающимся актам идентификации с ним. Вместе с тем логика исследования позволяет сделать вывод о научной истинности пролога Святого Иоанна касаясь начала человеческого языка и самосознания. В качестве вывода подчеркивается ключевое значение религиозной веры в мистического властелина для осуществления бытия языка и самосознания человека.

Ключевые слова: Бог, дух, знак, символ, слово, лицо, имя существительное, перенос, замещение, психическая реальность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Для цитирования: Мозжилин С. И. Теорема Святого Иоанна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 399–404. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-399-404>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

St. John's theorem

S. I. Mozhilin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Abstract. The article analyzes the spiritual-mystical components underlying speech, language and self-consciousness of a person. The research is carried out on the basis of an interdisciplinary scientific approach. The main attention is focused on the prologue of St. John, considered as a scientific theorem that paves the way for solving the problem of the existence of language and human self-consciousness. The methodological basis of the study is the author's concept of the formation of a sign-symbol of a mystical, disembodied being – a spirit, which formed the basis of a face symbol, in the phylogeny of humanity, as a consequence of mental mechanisms of transfer and replacement. This concept is used for the first time in the aspect of comprehending the prologue of St. John, which is the novelty of the study. The work logically substantiates the impossibility of the existence of the human word, and at the same time of abstract thinking and self-consciousness, without the psychic reality of an incorporeal, mystical controller and verbal designer of thought – namely, the spirit that prompts the subject to incessant acts of identification with him. At the same time, the logic of the study allows us to draw a conclusion about the scientific truth of the prologue of St. John, with regard to the beginning of human language and self-consciousness. Also, as a conclusion, the author emphasizes the key importance of a religious belief in a mystical ruler for the realization of the existence of language and self-consciousness of a person.

Keywords: God, spirit, sign, symbol, word, face, noun, transfer, substitution, psychic reality

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “ The variety of theological, philosophical and scientific approaches to comprehending the phenomenon of Christian religious and mystical experience: horizons and limits of interdisciplinary synthesis” No. 21-011-44095).

For citation: Mozzhilin S. I. St. John's theorem. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 399–404 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-399-404>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследования религиозно-мистических компонент, фундирующих язык и религию, актуальны как для понимания психических механизмов, обуславливающих непрерывный речевой процесс, так и для разработок анализа психологии мотивов, побуждающих к религиозным поискам и обоснованиям сакрального, сокрытого в себе и окружающем мире. Наиболее ярко эти поиски отражены в трудах представителей богословия. В данной работе анализируются слово человеческое и Слово божественное, о котором говорит Святой Иоанн, начиная евангелическое повествование.

Итак, «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (От Иоанна, 1:1). Этот пролог Евангелия от Иоанна подчеркивает божественную субстанциональность бытия, являющуюся Словом. Но как Слово, которое является Богом, составило основу материального мира? Многие богословы ломали голову над решением этого вопроса. Святой Августин вопрошал Господа по этому поводу: «И откуда могло быть у Тебя вещество, которого Ты не сделал раньше, чтобы потом из него сделать что-то? Все, что есть, есть только потому, что Ты есть. Ты сказал «и явилось» и сказал Ты это словом Твоим [1, с. 163]. Вряд ли этот вопрос может иметь позитивное решение. Конечно, можно заявить, что материя вечна. Объявление вечности и бесконечности материи неминуемо влечет за собой признание вечности и беспредельности сознания. Из истории философской мысли следует, что данные размышления порождают либо идею субстанционального дуализма, наиболее ярко выраженную Декартом, либо антиномии Канта, либо признание за материей способности мыслить, объявив дух «высшим цветом развития материи», как это сделал Маркс.

Сознание проявило себя в человеке, как полагают материалисты, на определенном этапе развития материи. Однако вечность предполагает бесконечное количество этапов, на которых проявлялось сознание в материи, позволяющее утверждать, что оно всегда было, есть и будет. В этой связи следует согласиться с К. Г. Юнгом в том, что научный материализм дал высшему принципу бытия лишь другое имя [2, с. 94]. Конечно, можно следовать и Гегелю, полагая, что Дух (Абсолютная идея) противопоставил себя себе в качестве материальной природы, в которой стремится достичь тождества с собой, проявляясь в человеческом разуме. В любом

случае надо признать все это лишь метафизическими спекуляциями по поводу основополагающих принципов бытия. Думается, отчасти прав К. Г. Юнг, замечая: «На самом деле психическое бытие есть единственная категория бытия, о которой мы знаем непосредственно, ибо ничто не может быть предметом знания, если не выступает в качестве психического образа. Непосредственно достоверно только психическое существование» [2, с. 100]. Но все же следует принять и объективную реальность, воздействующую на наши органы чувств, иначе мы окажемся в плену сугубо мистического опыта освобождения от такого воздействия. Собственно, этот опыт, накопленный адептами религий Индии и Китая, и интересовал К. Г. Юнга.

У Бога нет материальных образов, но сознание людей постоянно продуцирует различные образы бестелесных существ, в том числе и Бога. Зачастую мы называем это плодами человеческих фантазий. В их объективности приходится сомневаться, что вполне нормально. По этому поводу вряд ли особо можно возражать Ж. Лакану, замечающему, что способность людей не воспринимать многие вещи всерьез является показателем их нормальности [3, с. 219], хотя согласимся с М. В. Шугуровым в том, что осмысление понятия «норма» касаясь многообразного религиозно-мистического опыта весьма не однозначно в различных культурах [4, с. 457]. Впрочем, и Святой евангелист Иоанн однозначно отмечает: «Бога не видел никто никогда: Единородный Сын сущий в недре Отчем Он явил» (От Иоанна, 1:18). Заметим при этом, что Библия изначально говорит нам о том, что образ Бога мы наблюдаем без всяких фантазий в повседневной жизни, глядя на себя и на окружающих, поскольку в ней сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1:27). Подчеркнем, что мы лишь люди, поскольку смертны и не знаем всего. Да и словом ничего создать и подвинуть не можем, разве что создаем идеи вещей, облегчающих нашу жизнь, которые производим руками, оснащенными орудиями труда. Но Иисус Христос обрел бессмертие и постиг истину, воссоединившись с Отцом Небесным, став Духом бессмертным, конечно если мы в это верим. Он и является второй ипостасью Бога. Но Сын в Евангелии не является тем же, что и Дух. Российский богослов В. Н. Лосский отмечает: «Сын и Дух открываются нам в Евангелии

как два Божественных Лица, посланные в мир; Одно, – чтобы соединиться с нашей природой и ее возродить. Другое, – чтобы оживить личную нашу свободу. У каждого из этих двух Лиц свое особое отношение к Отцу (рождение и исхождение)» [5, с. 465]. И рождение, и исхождение осуществляются Словом. Пожалуй, более сложным для понимания является первое. Можем ли мы наблюдать или осуществлять материализацию слова? Надо признать, что преобразование слова в тело, осуществленное в непорочном зачатии Иисуса Христа, для нас является верой, но не знанием, которое можно проверить в чувственном опыте, хотя наглядно как слово, обретшее психическую реальность, изменило человеческое тело, прежде всего головной мозг, в процессе эволюции.

Сразу заметим, что представления о Боге, впрочем, как и обо всем, что не имеет физического образа, отсутствуя в чувственном опыте, без наличия слова не могут быть предметом мысли, о котором можно сообщить окружающим. Вряд ли мы решим проблему материализации слова в мире, но его возникновение в психической реальности человека вполне можно объяснить. На наш взгляд, образование Слова, вместе с ним и начало сознательного бытия обусловлены схожим с прологом Святого Иоанна обстоятельством. Ведь абстрактное мышление человека не имеет иных, кроме словесных, форм выражения. Человек всегда говорит внутри себя. И не важно, происходит ли речь в звуковом режиме или в виде зрительных образов. Например, в мышлении глухонемых слова, выражаемые жестами, также всегда являются символами лиц, оформляющими мысли. Конечно, слово может воспроизводиться и звуком, и зрительным образом. Поэтому касаясь Бога невозможно однозначно утверждать, каким образом выразилось Слово, которое было «в Начале». По этому поводу существует множество мнений. Но, думается, что все же следует согласиться с замечанием М. С. Иванова: «Первичность Предания означает, что слово Бога в определенный период было устным, не облеченным в “плоть” письменного языка» [6, с. 30]. К тому же, как замечает Ю. М. Дуплинская, следующая традиция интерпретаций Слова Отцами Церкви: «Звучащее слово в отличие от написанного несет в себе энергии творения» [7, с. 255]. Но, как бы там ни было, полагаем, что психическую реальность человека вначале обрело звуковое слово. Главным аргументом для нас является прагматический фактор: звуковое слово, в отличие от зрительного символа, можно использовать для общения в любое время суток.

Итак, подчеркнем: для возникновения абстрактного мышления необходимо слово, оформляющее мыслительные наглядно-образные восприятия постоянным речевым процессом, вместе с тем побуждающее субъект к контролю инстинктивных желаний. Чтобы выполнять такие функции, изначально слово должно было содержать в себе этого контролера желаний и оформителя мысли. Языки народов, находящихся на стадии дикости, и мифы, сохранившие первичные формы языков цивилизованных народов, наглядно демонстрируют, что данные функции выполняют имена мистических духов. Этот факт наглядно отразил в сравнительном анализе мифов и языков индоевропейской языковой семьи М. М. Маковский [8, с. 415]. Полагаем, что это обстоятельство имеет вполне позитивное решение, если мы сконцентрируем внимание на главном факторе, отличающем человеческие слова от коммуникативных сигналов животных, коим является символ лица. В этой связи подчеркнем, что, для того чтобы решить проблему возникновения языка и сознания, в первую очередь необходимо вскрыть психический механизм, обусловивший фиксацию символа лица. Полагаем, что данный механизм заключен в психическом переносе и замещении. Буквально: вступление наших предков в сознательный этап развития обусловило психический перенос центра тяжести источника власти, буфера агрессии и концентрации внимания с доминирующей особи на сигнал, посредством которого все это осуществлялось [9, с. 75].

Вряд ли стоит особо убеждать людей, сколь-либо знакомых с этологией, в том, что в зоологическом сообществе функции контроля поведения выполняет лидер. Он и является главным концентратором внимания и буфером агрессии, используя ко всему прочему звуковые коммуникативные сигналы. Но сигнал, потерявший связь с носителем, поскольку его стали использовать в качестве концентрации внимания, буфера агрессии и проявления власти, все члены первобытной группы гоминид, обрел автономию, превратившись в символ отсутствующего в чувственном опыте, а следовательно, бестелесного контролера, с которым стремится идентифицировать себя субъект. Он и составил основу знака-символа незримого властелина, от которого стала передаваться информация.

В научной литературе часто высказываются сомнения по поводу возможности превращения коммуникативного зоологического сигнала в слово. Например, В. А. Фриауф замечает: «Иными словами, язык как таковой не может возникнуть из того, что языком, в строгом смысле, не явля-

ется» [10, с. 293]. Однако, следуя диалектике, заметим, что все в материальном мире возникает из чего-то иного. Да, вождь был источником коммуникативного зоологического сигнала, но не слова. Сигнал, потерявший связь с конкретным носителем (вождем), в результате использования его всеми членами группы стал словом благодаря возникновению веры в бестелесного цензора поведения, которому перешли функции лидера, он и явился внешней причиной. В этой связи отметим, что слово изначально обозначало мистическое бестелесное существо, контролирующее мысли, которое представители первобытного общества именовали духом. Передача информации от этого существа влекла за собой незавершаемые акты идентификации с ним и облачение в лицо. Данное явление обусловило скачок ко второй сигнальной системе. Надо полагать, что коммуникативные сигналы первой сигнальной системы, передаваемые от незримого контролера человеческих мыслей – духа, могли иметь автономию и от ситуации, и от субъекта, что является одним из главных условий существования второй сигнальной системы и отличительных признаков языковых знаков-символов от зоологических сигналов. Любой набор гласных и согласных звуков, указывающий на тот или иной предмет, соотносимый с лицом и передаваемый от лица, становился именем существительным. При этом, наверное, банально говорить о том, какую силу внушения имела мысль, передаваемая от мистического, вездесущего повелителя и контролера мысли.

Долгое время мистические духи в представлениях наших предков имели много общего с зоологическим лидером, но при этом наделялись бессмертием и считались причиной всего. У каждой группы-эго был свой дух-покровитель, потому их изначально было много, о чем свидетельствуют мифы. Аналогично обозначаемые именами существительными предметы наделялись своими духами-покровителями. В общем первичные формы языка, сохраненные в мифах, характеризуются всеобщим анимизмом и персонализацией [11]. Но, как бы там ни было, появление представлений о мистическом существе – духе – преобразовало мышление животного в сознание человека, оперирующее словом. Иными словами, фиксация духа мышлением наших предков обусловила начало человеческого сознания или, говоря языком онтологии, начала бытия психической реальности человека, в которой доминирует слово, оформляющее мысли. Потому, если мы анализируем начало бытия сознания касаясь психической реальности человека, не

стоит сомневаться в верности пролога к Евангелию Святого Иоанна. Более того, логика нашего исследования позволяет высказать мнение, что этот пролог является научной теоремой, которая имеет позитивное решение.

Лицо может обязательно указываться в языке и речи, как внешней, так и внутренней, а может только подразумеваться. Все зависит от специфики или особенностей того или иного языка. Но если его удалить, то прекратится речевой процесс и останется мышление животного, использующее лишь наглядно-образную репрезентацию информации. Имя существительное и является таковым, поскольку указывает не только на означаемый предмет, но и на его отношение к лицу. Глаголы и прилагательные также являются не просто зоологическими коммуникативными сигналами, а словами, поскольку означают действия и признаки лиц. Говорящий субъект тоже идентифицирует себя с лицом. Вместе с тем знак-символ лица подразумевает сокрытое, универсальное, к которому причастны все языковые знаки, заключает в себе и означаемое, и означающее, и означающего. Первое слово, будучи именем духа, покровителя группы-эго, выполняло на заре сознательной истории человечества функцию группового «Я», потому при переводе архаических языков на цивилизованные может восприниматься и в значении «Мы».

В настоящее время банально говорить о том, что люди, находящиеся на стадии дикости, говорят от третьего лица. В онтогенезе психического развития ребенка мы наблюдаем то же самое: ребенок начинает говорить от третьего лица. Но находясь в цивилизованном обществе, он вынужден оперировать лицами как чистыми абстракциями. При этом стоит отметить, что такие абстракции, как местоимения, возникли не в результате изобретательности наших предков, а потеряв начальную связь с мистическими духами. Данный факт, подчеркивал Л. Леви-Брюль, отмечая, что у дикарей практически нет мирской жизни, их мышление носит мистический характер и «..в своих коллективных представлениях управляется законом сопричастности таинственным силам» [12, с. 191]. Заметим, что исследователи языка, как лингвисты, так и психологи, уделяют первостепенное значение двум компонентам слова, анализируя означающее и означаемое и их взаимосвязи, не уделяя должного внимания означающему. Конечно, важно замечание Ж. Лакана: «Значение – это человеческий дискурс, имеющий свойство всегда отсылать к другому значению» [3, с. 219]. Безусловно, весьма увлекателен поиск первичных значений. Редуцировать мысль,

выраженную в каком-либо слове, к первичному значению весьма проблематично, поскольку дискурс происходит на протяжении всей сознательной человеческой истории, но однозначно можно утверждать, что пределом редукции слова является лицо, подразумевающее означающего.

Все вышесказанное позволяет заключить, что у нас нет никаких весомых научных оснований сомневаться в истинности пролога Евангелия от Святого Иоанна при анализе начала бытия языка и порожденного им сознания и самосознания человека. Главным фактором является знак-символ, обозначивший отсутствующее в чувственном опыте существо – дух, составившее основу знака-символа лица, с которым идентифицирует себя субъект, проецируя лицо на все обозначаемые словом предметы, давая ему всевозможные религиозные интерпретации. Конечно, слово это бессознательно, поскольку перенос, являющийся бессознательным психическим механизмом, породили люди. Но без веры в то, что источником его выступает вездесущий, невидимый властелин, более того, что оно само им является, не возникли бы человеческий язык и самосознание. В этой связи надо признать, что религиозно-мистические переживания изначально присущи человеческому сознанию.

Список литературы

1. Исповедь / *Августин Аврелий*. Исповедь ; *Абеляр Петр*. История моих бедствий. М. : Республика, 1992. 335 с.
2. *Юнг К. Г.* О психологии восточных религий и философии. М. : Медиум, 1994. 254 с.
3. *Лакан Ж.* О бессмыслице и структуре Бога // *Метафизические исследования*. Вып. 14 : Статус иного. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского философского общества ; *Алетейя*, 2000. С. 218–231.
4. *Шугуров М. В.* Христианский религиозно-мистический опыт : норма и девиации // *Мир человека : нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах : от реализма до конструктивизма : сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 7–9 июня 2021 г.)* / отв. ред. И. Д. Невважай. Саратов : Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2021. С. 456–481.
5. *Лосский В. Н.* Боговидение. М. : АСТ, 2006. 759 с.
6. *Иванов М. С.* Слово Откровения // *Богословский вестник*. 2015. № 18–19. С. 19–42.
7. *Дуплинская Ю. М.* Онтология и язык в контексте лингвистического поворота // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 253–258. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>
8. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М. : Владос, 1996. 415 с.
9. *Мозжилин С. И.* Общее, лицо и дух в речи и языке : к вопросам происхождения языка // *Психолого-экономические исследования*. 2015. Т. 2 (8), № 3. С. 74–82.
10. *Фриуаф В. А.* О начале языка // *Известия Саратовского университета*. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 292–296. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296>
11. *Мозжилин С. И.* Психическая доминанта анимизма и персонификации // *Вопросы философии*. 2012. № 9. С. 67–73.
12. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1999. 608 с.

References

1. Augustine. *Confessions*. Volume I: Books 1–8. Loeb Classical Library, 2014. 480 p. (Russ. ed.: *Ispoved / Avgustin Avreliy. Ispoved*; *Abelyar Petr. Istoriya moih bedstvii*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 335 p.).
2. *Tibetan Book of Great Liberation*: Editor W. Y. Evans Wentz, Contributor C. G. Jung. London, Oxford University Press, 1954. 358 p. (Russ. ed.: *Jung C. G. O psikhologii vostochnykh religiy i filosofii*. Moscow, Medium Publ., 1994. 254 p.).
3. Lacan J. On nonsense and the structure of god. In: A. Miller, ed. *The Seminars of Jacques Lacan Book III: The Psychoses*. New York, W. W. Norton, 1955–1956, pp. 117–129 (Russ. ed.: *Lacan J. O bessmyslice i strukture Boga. Metafizicheskie issledovaniya*. Vyp. 14. Status inogo. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, Aleteiya Publ., 2000, pp. 218–231).
4. Shugurov M. V. Christian religious-mystical experience: norm and deviations. In: I. D. Nevvajay, ed. *Mir cheloveka normativnoe izmerenie – 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnih perspektivah ot realizma do konstruktivizma: sbornik trudov mejdunarodnoi nauchnoi konferencii (Saratov 7–9 iyunya 2021 g.)* [Human World: Normative Dimension – 7.0. The Problem of Substantiating Norms in Various Perspectives: From Realism to Constructivism: Collection of Proceedings of an International Scientific Conference]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, 2021, pp. 456–481 (in Russian).
5. Lossky V. N. *Bogovidenie* [The Vision of God]. Moscow, ACT Publ., 2006. 759 p. (in Russian).
6. Ivanov M. S. The word of revelation. *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin], 2015, no. 18–19, pp. 19–42 (in Russian).
7. Duplinskaya Yu. M. Ontology and language in the context of the linguistic turn. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 253–258 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

8. Makovsky M. M. *Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh jazykah. Obraz mira i miry obrazov* [A Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, Vldos, 1996. 416 p. (in Russian).
9. Mozzhlin S. I. Common, person (face), and spirit in speech and language: issues on language origin. *Psichologo-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Psycho-Economics], 2015, vol. 2 (8), no. 3, pp 74–82 (in Russian).
10. Friauf V. A. To a Question of the Beginning of Language. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 292–296 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296>
11. Mozzhlin S. I. The Mental Dominant of Animism and Personification. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 9, pp. 67–73.
12. Lévy-Bruhl L. *Primitives and the Supernatural (Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive)*. New York, Haskell House Publishers, 1973. 405 p. (Russ. ed.: Levi-Bryul L. *Sverhestestvennoe v pervobitnom mishlenii*. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1999. 608 p.).

Поступила в редакцию 25.06.2021, после рецензирования 07.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 25.06.2021, revised 07.07.2021, accepted 13.09.2021